

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-126-131
УДК 821.161.1.09"18"

Ратников Александр Николаевич
Московский государственный областной университет

БАТАЛЬНАЯ ЛИРИКА Г.Р. ДЕРЖАВИНА В СВЕТЕ ПАНЕГИРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.

Творчество Г.Р. Державина ознаменовало важный этап становления отечественной поэзии. Воспитываясь на работах предшествующих поколений поэтов, Державин освоил лучшие образцы российских и зарубежных торжественных панегирических произведений, создав на их основе особую разновидность державинской батальной оды. Полному и глубокому пониманию процесса становления и развития державинской батальной лирики способствует исследование зачатков отечественной одической традиции, связанных с петровским временем. В этот период переосмысливается место поэзии в жизни общества; поэзия рационализируется, становится на службу государству. Поэтические тексты используются в качестве музыкально-поэтического сопровождения праздников, торжественных встреч царских особ или восхваления военных успехов. Отечественная словесность откликнулась на данный запрос появлением различных образцов торжественной, панегирической поэзии – кантов и иных торжественных стихотворений. В эпоху правления Петра I наиболее яркими представителями панегирической лирики являлись Феофан Прокопович (1681–1736), Стефан Яворский (1658–1722) и Дмитрий Ростовский (1651–1709). Избранные батальные произведения вышеуказанных авторов, а также батальная лирика Г.Р. Державина являются объектом исследования в рамках данной статьи. В ходе сравнительного изучения торжественных панегирических произведений батальной тематики и батальной оды Г.Р. Державина выявлены многочисленные соответствия и элементы преемственности между панегирическими кантами и одами Г.Р. Державина, выраженные в схожей системе аллегорических образов-символов, а также в ориентации на античные образцы и библейские мотивы.

Ключевые слова: классицизм, торжественные панегирические канты, батальная ода, Г.Р. Державин, Стефан Яворский, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович.

Информация об авторе: Ратников Александр Николаевич, аспирант, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия.

E-mail: ratnikoff.alex@gmail.com

Дата поступления статьи: 31.01.2020.

Для цитирования: Ратников А.Н. Батальная лирика Г.Р. Державина в свете панегирических традиций в русской литературе XVIII в. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2, С. 126–131. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-126-131.

Aleksandr N. Ratnikov
Moscow Region State University

PANEGYRIC TRADITIONS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY, PRECEDING THE FORMATION OF GAVRILA DERZHAVIN'S BATTLE ODE

Gavrila Derzhavin's creative work marked an important stage in the formation of Russian poetry. Raised in the works of previous generations of poets, Gavrila Derzhavin mastered the best samples of Russian and foreign solemn panegyric works, creating on their basis a special form of his own batal ode. What contributes to a full and deep understanding of the process of formation and development of Gavrila Derzhavin's batal lyrics, is a study of the conception of the Russian odic tradition related to the time of Peter I. The place of poetry in the life of society had been rethought during this period; poetry had been rationalised at the service of the state. Poetry texts started to be used as musical and poetry accompaniment of holidays, solemn meetings of reigning persons or praise of military successes. Russian literature responded to this request by the appearance of various samples of solemn, panegyric poetry - cantos and other solemn poems. During the reign of Peter I, who were the most prominent representatives of the panegyric lyrics were Theophan Prokopovich (1681–1736), Stefan Yavorsky (1658–1722) and Dmitri Rostovsky (1651–1709). The chosen batal works of the above-mentioned authors as well as the batal lyrical poetry by Gavrila Derzhavin are the subject of research within the framework of this article. The numerous correspondences and elements of continuity between the panegyric cantos and the odes by Gavrila Derzhavin expressed in a similar system of allegorical image-symbols, as well as in orientation to antique specimens and to biblical motifs, are revealed in the comparative study of solemn panegyric works of batal subject matter and the batal ode of Gavrila Derzhavin.

Keywords: classicism, solemn panegyric cantos, battle ode, Gavrila Derzhavin, Stefan Yavorsky, Symeon Polotsky, Theophan Prokopovich.

Information about the author: Aleksandr N. Ratnikov, post-graduate student of Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: ratnikoff.alex@gmail.com

Article received: January 31, 2020.

For citation: Ratnikov A.N. Panegyric traditions in Russian literature of the 18th century, preceding the formation of Gavrila Derzhavin's battle ode. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 126–131 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-126-131.

Батальная лирика Г.Р. Державина уникальна: в ней гармонично соединены такие понятия, как чувственное описание природы, глубокое лирическое сопереживание человеку, терпящему бедствие от войны, с батальной монументальностью и изображениями кровавых битв. Тем не менее батальную оду Державина следует отнести к торжественной панегирической поэзии. К моменту, когда Державин стал создавать свои лирические произведения (1762 г.), в России уже существовала давняя панегирическая традиция, которая корнями уходила в допетровскую эпоху. Во время правления Петра I поэзию обращали на службу государству, авторы создавали панегирические канты, посвященные важнейшим политическим событиям. Подобные канты образовали целый корпус произведений, объединенных общей тематикой, которые подчинялись своей внутренней логике. Они создавали базис для отечественной батальной традиции последующих периодов развития русской литературы. Изучение батальной оды Державина в сравнении с панегирическими кантами может послужить основой для более глубокого понимания проблематики батальной лирики.

Вопрос изучения творчества писателей XVIII века в их связях с панегирическими традициями привлекал внимание отечественных исследователей. Так, в статье Л.И. Сазоновой «От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова» исследовались «неизученные аспекты национальной литературной традиции в творчестве Ломоносова» [Сазонова: 103]. На сегодняшний день батальная лирика поэтов XVIII века становится актуальной темой для исследования и среди зарубежных авторов. Иоахим Клейн провел ряд исследований, в которых изучал особенности военной лирики, «широко практикуемой русскими поэтами во второй половине XVIII века» [Клейн: 174]. Также зарубежные авторы привлекают тексты торжественных од данного периода в качестве материала для сравнения с современной политической и литературной ситуацией. Например, тема мирного присоединения Крыма становится «основой художественных размышлений авторов, откликнувшихся на это событие» [Алпатов: 84]. Так, У. Экутс рассматривает в рамках своей культурной традиции батальную оду Державина «На приобретение Крыма» [Экутс: 254] как материал для обоснования своих политических позиций. Таким образом, изучение батальной традиции русских авторов является чрезвычайно актуальным вопросом.

Литературная жизнь в России всегда активно отзывалась на социально-экономические преобразования общества. Происходящее в допетровское и петровское время укрепление власти монарха способствовало подъему торжественных панегирических литературных жанров. В Москве при царском дворе Симеон Полоцкий занимался раз-

работкой подобных торжественных произведений, которые «рассеянные во множестве в рукописях Симеона, были обращаемы им не только к царю и царевичам, но простирались и на женскую половину царской семьи...» [Татарский: 122], «в случаях же особенно важных, когда здесь происходили торжественные церемонии по поводу каких-либо выдающихся радостных или печальных событий, Симеон выступал с уже более значительными произведениями этого рода. Обыкновенно он составлял тогда особую, более или менее обширную стихотворную “книжицу”, написанную со всей “хитростью пиитического учения”» [Татарский: 123]. Следует отметить его стихотворение, носящее торжественный панегирический характер, которое Симеон преподнес в день крещения царевича 29 июня 1672 года, в нем предсказывалась будущая судьба Петра:

Православный родися ныне нам царевич,
Великий князь московский Петр Алексеевич;
Тщится благочестием вас украсить,
И всю бусурманскую мерзость низложить

[Татарский: 126–127].

Стихотворение представляет собой политико-религиозный манифест, в нем Симеон Полоцкий перечисляет важнейшие государственные проблемы и задачи, которые предстоит решить будущему наследнику престола. Произведение Симеона является примером государственной панегирической оды, написанной силлабическими виршами. Позднее Державин создаст свое стихотворение «На пророчество Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского при рождении Петра Великого», напечатанное в Московском журнале в ноябре 1791 года. Это стихотворение следует считать одним из самых веских аргументов, свидетельствующих об интересе Державина к давней панегирической традиции:

Волхвы российски возвестили:
«Рожденный отрок будет Петр,
Сотрет невежеству, внутри изменам выю;
Как громом, поразит и внешних он врагов
И просветит все, как света бог, Россию»
Сбылся пророческий глас слов!

[Державин 1: 444].

В «Пророчестве» Державина политические тезисы Симеона Полоцкого представлены в свете мистического прозрения, духовного предвидения. Такое прочтение возникло ввиду того, что восхваление Петра I стало общим местом в отечественной одической традиции. В панегирических произведениях Петра изображали как монарха, сумевшего преобразовать Россию. Образ Петра стал важнейшим элементом в батальных одах, любой последующий монарх сравнивался с ним. Одописцы восхищались Петром, призывали на него ориентироваться в государственных делах, его образ наделялся божественными чертами. Поэтому, называя пророками тех, кто посвящал Петру торже-

ственные вирши при его жизни, Державин и свои торжественные оды отсылает к петровской эпохе. Возникает живая связь между «легендарным» временем и тем временем, в котором создавал свои произведения сам Державин.

Проследить влияние кантов на последующее развитие батальной оды Державина можно на примере устойчивых мотивов, реализующихся в образах. Во всех приведенных стихах устойчиво присутствует, повторяясь зачастую по несколько раз, изображение России в виде орла, а Швеции в виде льва, связанное с геральдической традицией. Многократное упоминание данных образов: «орел швецкаго лва убивяленне...», «Российску орлу даст силу велику...», «Что будет слава яко здесь толику...», «Лва надежду не повелевает...», «орел прострет свои крыле...», «Орла Российска со лвом умирить поможе...», «Орла мирна, со лвом смирна...» [Копылова: 16–18, 21, 22] – заложило традицию использования подобных образов и в творчестве других авторов. Проиллюстрируем системность описанного явления на примере нескольких произведений Державина:

Се тот герой, Орла который просветил,
Вне Солнце, Льва, Луну, – внутрь Гидру победил...
[Державин 3: 327],

так отразились сразу несколько символических образов, обозначающих Персию, Швецию и Турцию в произведении «На статую Петра Великого» (1775 г.). При помощи этих же образов в другом произведении, посвященном батальной теме, «На победы Екатерины II над турками» (1772 г.), где присутствует фрагмент:

Дрожит дунайский берег, трепещут Дарданеллы,
Колелблется Восток и южные пределы.
Везде твои орлы, монархиня, парят...

[Державин 1: 13]

Державин, вероятно, обозначает уже конкретных людей, а не всю Россию. Также и в зрелой его лирике, в оде «На взятие Измаила» (1790 г.), упоминается «орел» в том же самом контексте, что и в ранних своих произведениях – в борьбе с другим символом, «луной», олицетворением турецкого государства:

О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил

[Державин 1: 353].

Устойчивость использования подобного приема Державиным говорит о том, что он прочно вошел в его поэтический метод и стал важным элементом творчества.

В некоторых других кантах, авторство которых установлено, присутствующие образы орла или льва усложняются отсылками к античности. На подобных примерах прослеживается нарастающее влияние поэзии древних авторов, которая является важнейшим фактором на пути становления и развития батальной оды в России и Европе. Так, в из-

вестном канте Дмитрия Ростовского на взятие Нарвы образ льва видоизменяется и становится Немейским:

Льва Немейска сила изменися;
О камень твердый Петра сокрушися

[Розанов: 36].

В приведенном фрагменте наблюдается еще один устойчивый мотив, который использовался Симеоном Полоцким, а также некоторыми анонимными авторами¹. «В основе этой построенной на мотиве камня цепочки образов лежит топическое метафорическое отождествление Петра I с апостолом Петром, опирающееся, в свою очередь, в качестве *tertium comparationis*, на евангельский эпизод, где Петр сравнивается с “камнем”, на котором будет создана церковь Христова (Матф. 16:18)» [Николози: 47]. Таким способом Петр I сравнивается с одним из апостолов Христа, что придает образу царя героический «божественный» характер. В данном же стихотворении этот образ дополняется еще и героическим оттенком, порожденным сравнением с героем греческого мифа. Другие обращения Дмитрия Ростовского в канте к библейским текстам отсутствуют, особый стиль его канта создается благодаря переплетению античных смыслов и образов, которые реализуют множество интертекстов и интерпретаций. В дальнейшем при создании своей батальной лирики Державин также активно обращался к таким же художественным методам, при помощи которых сравнивал Петра I с апостолом Петром и отмечал его «божественную» природу. В этом также прослеживается непосредственная преемственность батальной оды Державина по отношению к панегирическим кантам. Так, Державин характеризует Петра I как правителя с «твердым» характером в произведении «Петру Великому» (1776 г.): «Был в вере тверд и ей послушен...» [Державин 1: 33], где слово «твердый» отсылает читателя к греческому значению имени Петра, а в четверостишье «На гроб Петра Великого» (1775 г.) отмечает его «божественное» начало: «Священный прах Петров в сем гробе почивает...» [Державин 3: 329].

Если у Дмитрия Ростовского отмечается сильное влияние античности, то канты Стефана Яворского изобиловали именно библейскими отсылками. В «Стихах на измену Мазепы, изданных от лица всей России» избранные фрагменты ярко передают настрой всего произведения:

Се второй Ирод, исполнь смертна яда, –
Мазепа лютый убил мои чада.
Уподобися Россия Давиду,
Иже от сына терпяше обиду...

[Панченко, Адрианова-Перетц: 36].

Однако стоит отметить, что отношение отечественных авторов к наследию древних претерпело существенное изменение под влиянием французской литературы, в которой вследствие спора, проходившего во Французской академии наук между

группой Буало и группой Шарля Перро, возник новый взгляд на наследие античности².

XVIII век в истории русской литературы характеризуется еще и тем, что поэты и ученые активно трудились над литературно-теоретическими трактатами. Учеными создаются разнообразные поэтики и риторики. Одним из таких выдающихся ученых во времена Петра I был Феофан Прокопович. Стоит отметить, что в его стихах также сочетались библейские и античные образы. Созданные им образцы риторических и поэтических жанров на долгие годы заложили основу поэтического дела в России.

Феофан Прокопович оказал большое влияние на становление жанра батальной оды в России. Мотивы, присутствующие в его кантах, были творчески освоены последующими поэтами, в том числе и Г.Р. Державиным. Стихотворение «Епиникион, или Песнь победная на преславную победу полтавскую» (1709 г.) является важным этапом на пути к батальной пиндарической оде Ломоносова «На взятие Хотина» [Ломоносов: 57–85]. Еще лишенный важных элементов внутренней формы пиндарической оды – «восторгов», «парений», экзальтированных состояний, которыми будет характеризоваться ода нового типа после Тредиаковского и Ломоносова, – тем не менее кант Феофана закладывает основы, на которые отчасти будут опираться будущие реформаторы оды. Также в «Епиникионе» отмечается сильное влияние античности. Начиная с названия, которое отсылает читателя к торжественным песням в честь победителя на Олимпийских (Пифийских и др.) играх, эпиникиях Пиндара, и продолжая отсылками к греческим мифам, присутствующим в тексте. В данном фрагменте «Епиникиона» в текст торжественного канта введено прямое упоминание Троянской войны, цикла древнегреческих мифов, что придает происходящей битве легендарные черты:

Уже брань десятое лето начинаше
(Время брани Троянской), егда уже бяше
Внутр отчества супостат сверепий и дивый,
Зменническим полчищем силу умноживый

[Ф. Прокопович: 219].

Далее следует еще одно упоминание данного мифа, в котором говорится о том, что враг в безумстве возомнил себя Ахиллесом:

Гордость ум их и мечта, естеству противна.
Помыслиша бо себе от твердой сложенных
Руды и во стикгийской воде измоченных,
И немощи своему язвится телу, –
Таковую безумне няху в себе силу

[Ф. Прокопович: 210].

В тексте канта есть эпическое описание произошедшей битвы, черты которой будут проследиваться у многих последующих создателей батальных произведений:

Блисну огнем все поле; многия восгоре
Излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,
Ниже тако гром з темных облаков рыкает,

Яко гримят арматы, и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смешен со прахом

[Ф. Прокопович: 212].

Здесь наблюдаются и охваченное огнем все поле битвы, и сравнение шума битвы с сильнейшими явлениями природы: с громом и молнией, и поднятый до небес и затмивший солнце дым, смешанный с прахом убитых. Данное описание сравнимо со следующим фрагментом батальной оды Державина «На взятие Измаила» (1790 г.):

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит...

[Державин 1: 341–342].

В «Епиникионе» героизируется образ Петра. Феофан Прокопович, будучи ярким союзником Петра, поддерживал все его реформы и начинания, в своих «Словах...» и кантах создавал теоретическое и богословское обоснование деятельности царя. В произведении Петр защищен божьим благословением, он неуязвим для стрел, его образ сам становится героическим, божественным:

Но егда ты, о царю и воине сильный,
Узре посреде огня, объять ю страх зелный;
Вострепета и крайней убоися страсти,
Да бы в едином лицу всем не пришло пасти

[Ф. Прокопович: 210, 212].

Русский царь также многократно сравнивается с Марсом – богом войны – что создает на первый взгляд противоречивое сочетание христианских мотивов с упоминанием имен греческих богов:

Тем же приими, о храбрый царю, цвет победный
И силы, яже в тебе *Марс* сей многобедный...
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
И не дерзнут русаго *Марса* раздражати

[Ф. Прокопович: 213].

Сравним с отрывком из державинского четверостишья «На изображение Петра Великого», где также Петр I сравнивается с богом войны Марсом:

Кого блистающа я вижу средь лучей?
Не *Марс* ли, Аполлон, Эрмий, иль бог морей?
Ликурга ль образ сей, Алкида ль представляет? –
Великого Петра, – мне Клия отвечает...

[Державин 3: 329].

Влияние творчества Феофана Прокоповича на последующую батальную лирику Г.Р. Державина также можно продемонстрировать на примере отрывков из оды «На взятие Измаила» и «Епиникиона»:

...Смерти, огнем летущой; *лиется кровь всюду*;
Стелет землю трупие; мало уже люду

[Ф. Прокопович: 212].

и державинское:

Вошел! «Не бойся», – рек, и *всюды*
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груди,
Напрасно слышан жалоб крик;
Напрасно, бранны человеки!
Вы *льете крови* вашей реки,
Котору должно бы беречь

[Державин 1: 348].

Как видим, Державин использует в своей оде очень схожую лексику.

«Эпиникион» содержит призывы к миру: «полно ратовать, меч в ножны влагайте...». Мотив пагубности войны и пацифистские настроения встретятся позднее и у Державина («Вы льете крови вашей реки, которую должно бы беречь...»), что, несомненно, является общим местом в батальной традиции русских од. Наряду с упоминанием того, что война является вынужденным злом, поскольку Россия должна защищать свои политические и экономические интересы, например ей нужен выход к морю, о котором в своих речах упоминал Феофан Прокопович, в русской традиции присутствует понимание того, что война уносит жизни людей, которые никак нельзя восполнить, что мир всегда лучше войны.

Для полноценного понимания того влияния, которое оказала литературная деятельность Феофана Прокоповича на будущее развитие батальной оды, необходимо ознакомиться с важнейшими программными тезисами его теоретического трактата о поэтике: «Поэтическое искусство».

Стоит отметить, что в «Поэтическом искусстве» Феофана Прокоповича в качестве образца предлагается именно горацянская ода. Это важно для понимания будущего развития одического жанра, а в частности батальной оды. Именно в противостоянии с этим типом оды рождается будущая русская пиндарическая ода с ее безумным и ученым восторгом, а также лирическим беспорядком. Характерно, что приводя примеры из Горация с целью усилить свою точку зрения его авторитетом, Феофан не приводит тех цитат, в которых Гораций прямо высказывается о Пиндаре и его поэзии³. Это демонстрирует некоторую необъективность его литературного метода, поскольку дает читателям неполноценную одностороннюю картину отношения Горация к Пиндару.

Таким образом, панегирическая традиция, разрабатываемая на рубеже конца XVII – начала XVIII в. послужила основой для дальнейшего развития батальной лирики в России. Державин ориентировался при создании своих произведений на ту литературную традицию, в которой он вырос, что, однако, не помешало ему произвести реформу в отечественной одической традиции и реформировать жанр. Горацянская ода выходила из употребления при составлении торжественных и батальных од, ей на смену приходила новая – пиндарическая.

Несмотря на смену парадигмы, панегирическая традиция не исчезла бесследно, она заняла свое место в развитии отечественной литературы, а также прочно вошла составной частью в сознание писателей XVIII столетия, которые, создавая собственные произведения, отталкивались в том числе и от старых панегирически кантов.

Примечания

¹ См.: в канте «Виват, фундатор, в суде оратор...» имеется такой фрагмент:

«Виват Петр-камень, в твердыне славен,
Как адамант,
К царству крепчайший, в вещах дражайший,
Як бриллиант».

² См.: Спор о древних и новых / Овсянников М.Ф., Аникст А.А. и др.; под ред. Бахмутского В.Я. М.: Искусство, 1985. 471 с.

³ Гораций писал: «Пиндар подобен могучей реке, которая катит бурливые волны, и из его уст, как из глубокого источника, извергаются безмерные богатства и красоты», а также: «Кто, о Юл, в стихах состязаться дерко / с Пиндаром тщится». См.: Спор о древних и новых / Овсянников М.Ф., Аникст А.А. и др.; под ред. Бахмутского В.Я. М.: Искусство, 1985. С. 304, 441, 445.

Список литературы

Аллатова Т.А. Мотив «приобретения Крыма» в русской торжественной поэзии XVIII столетия: потенциал творческого поиска // Михаил Муравьев и его время: коллективная монография по материалам VI Всерос. науч.-практ. конф. «Михаил Муравьев и его время. Словесность. Служение. Совершенство (к 260-летию Михаила Муравьева и 300-летию Александра Сумарокова), Казань, 29–30 апреля 2017 года / под ред. И.В. Завьяловой, А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. Казань: РИЦ «Школа», 2017. С. 84–92.

Гребенюк В.П. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с Петровскими преобразованиями // Панегирическая литература Петровского времени. М.: Наука, 1979. С. 5–132.

Державин Г.Р. (1743–1816). Сочинения Державина / с объяснительными прим. и предисл. Я. Грота. Т. 1–9. СПб: Имп. Акад. наук, 1864–1883.

Копылова В. Избранные русские канты XVIII века: Для хора или ансамбля солистов без сопровождения. Л.: Музыка, 1983. 80 с.

Клейн Иоахим. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvuyuschaya-rossiya-voennaya-lirika-xviii-veka> (дата обращения: 30.01.2020).

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. С приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений: в 6 ч. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1803. Ч. 1. 344 с.

Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика / пер. с нем. М.Н. Жаровой; под ред. К.А. Богданова. М.: Языки славянской культуры, 2009. 216 с.

Панченко А., Адрианова-Перетц В. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л.: Советский писатель, 1970. 424 с.

Розанов И.Н. Великая северная война в русской поэзии первой половины XVIII века // Учен. зап. Московского пед. ин-та. М., 1946. Т. 7. С. 35–40.

Сазонова Л.И. От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 103–126.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Изд. Импер. Академии наук, 1864. Т. 1: Стихотворения. Ч. 1. 812 с.

Спор о древних и новых / Овсянников М.Ф., Аникст А.А. и др.; под ред. Бахмутского В.Я. М.: Искусство, 1985. 471 с.

Татарский И. Симеон Полоцкий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 344 с.

Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1961. 503 с.

Jekutsch U. The Annexation of Crimea in Russian Literature of the 18th and 21st Centuries, *Rocznik komparatystyczny*, 2015, 6, pp. 251–269.

References

Alpatova T.A. *Motiv «priobretenija Kryma» v russkoj torzhestvennoj poezii XVIII stoletija: potencial tvorcheskogo poiska* [The motive of “acquiring Crimea” in Russian solemn poetry of the XVIII century: the potential of creative search]. *Mihail Murav'ev i ego vremja* [Mikhail Muravyov and his time], ed. by I.V. Zav'jalovoj, A.N. Pashkurova, A.F. Galimullin. Kazan, Shkola Publ., 2017, pp. 84–92. (In Russ.)

Grebenjuk V.P. *Panegiricheskie proizvedenija pervoj chetverti XVIII v. i ih svjaz' s Petrovskimi preobrazovanijami. Panegiricheskaja literatura Petrovskogo vremeni*. Moscow, 1979, pp. 5–132. (In Russ.)

Derzhavin G.R. (1743–1816). *Sochineniia Derzhavina / s ob"iasnitel'nymi prim. i predisl.* Ia. Grota. T. 1–9. SPb: Imp. Akad. nauk, 1864–1883. (In Russ.)

Kopylova V. *Izbrannye russkie kanty XVIII veka. Dlja hora ili ansamblja solistov bez soprovozhdenija* [Selected Russian Cantos of the XVIII century. For an unaccompanied choir or ensemble of soloists]. Leningrad, Muzyka Publ., 1983, 80 p. (In Russ.)

Klein Joachim *Torzhestvujushhaja Rossija: voennaja lirika XVIII veka* [Triumphant Russia:

military lyrics of the XVIII century]. *Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies*, 2018, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvuyuschaya-rossiya-voennaya-lirika-xviii-veka> (access date: 30.01.2020). (In Russ.)

Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij. S priobshheniem zhizni sochinitelja i s pribavleniem mnogih ego nigde eshhe ne napechatannyh tvorenij* [Complete works. With the introduction of the writer's life and with the addition of many of his works that have not yet been printed]: in 6 vol. Saint Petersburg, Publ. Imp. AN, 1803, vol. 1, 344 p. (In Russ.)

Nikoloz R. *Peterburgskij panegirik XVIII veka: Mif – ideologija – ritorika* [St. Petersburg panegyric of the XVIII century: Myth-ideology-rhetoric], trans. M.N. ZHarovoj, ed. by K.A. Bogdanova. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2009, 216 p. (In Russ.)

Panchenko A., Adrianova-Peretc V. *Russkaja sillabicheskaja poezija XVII–XVIII* [Russian syllabic poetry of the XVII–XVIII centuries]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1970, 424 p. (In Russ.)

Rozanov I.N. *Velikaja severnaja vojna v russkoj poezii pervoj poloviny XVIII veka* [The great Northern war in Russian poetry of the first half of the XVIII century]. *Uchen. zap. Moskovskogo ped. in-ta*. Publ. Moscow, 1946, vol. 7, pp. 35–40. (In Russ.)

Sazonova L.I. *Ot russkogo panegirika XVII v. k ode M.V. Lomonosova* [From the Russian panegyric of the XVII century to the ode of M.V. Lomonosov]. *Lomonosov i russkaia literatura* [Lomonosov and Russian literature]. Moscow, 1987, pp. 103–126. (In Russ.)

Sochinenija Derzhavina s objasnitel'nymi primechanijami Ja. Grota [Derzhavin's works with explanatory notes by J. Groth]. Saint Petersburg, Publ. Imp. Akademii nauk, 1864, vol. 1: *Stihotvorenija*, iss. 1, 812 p. (In Russ.)

Spor o drevnih i novyh [Dispute about ancient and new]. Ovsjannikov M.F., Anikst A.A. i dr., ed. by Bahmutskogo V.Ja. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, 471 p. (In Russ.)

Tatarskij I. *Simeon Polockij* [Simeon Polotsky]. Moscow, Tip. M.G. Volchaninova, 1886, 344 p. (In Russ.)

Feofan Prokopovich. *Sochinenija* [Compositions], pod red. I.P. Eremina. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 219. (In Russ.)